

употребления этого выражения в советской литературе оно отнесено к человеку буржуазного общества. К. Г. Паустовский пишет в «Повести о лесах» (1949): «Петр Максимович так убедительно говорил об оглушенном, отравленном, обреченном на преждевременное умирание человеке Запада, тоскующем по воздуху лесов, по солнцу, что вчуже становилось за этого человека страшно». При этом К. Г. Паустовский соединил две фразеологические единицы: «за человека страшно» и «вчуже страшно (обидно, гадко) становится». (Ср. у Салтыкова-Щедрина: «Столько нынче гаду в литературу напоззло, столько напоззло, что даже вчуже страшно становится»).

Кандидат филологических наук
Ю. Д. ЛЕВИН

По Петровке пачками нэпачи с нэпачками...

Словари (в том числе и академические) не дают полной картины развития слова *нэп* и производных от него образований. Обычно приводится всего несколько: *нэп*, *нэпман* и др. А слово это было одним из наиболее употребительных в 20-е годы. Кроме того, на его основе возникло большое количество новообразований — от однодневок до слов, прочно закрепившихся в русском языке. Одни из них (*нэпман*, *нэпманша*, *нэпмановский*, *нэпманский*, *нэпач*, *нэпачиха*, *нэповский*, *по-нэпмански*, *по-нэповски*) известное время употреблялись в публицистическом стиле русского языка (в газетах и особенно в сатирических журналах). Другие (*нэпа*, *нэпка*, *перенэп*, *нэповец*, *нэпоха*, *нэпос*, *нэпоман*, *нэпомания*, *нэпачизм*, *нэпманство*, *нэпачество*, *нэпогод*, *нэпородие*, *нэпрасценка*, *сверх-нэпы*, *нэпобарышня*, *нэпожербчик*, *Нэпград*, *Нэпик*, *Нэпкин*, *Нэпов*, *Нэпорылов*, *Нэпишкин*, *Нэпушка*, *нэпмач*, *совнэпман*, *нэпачка*, *нэпачонок*, *нэпный*, *нэпский*, *донэпический*, *анти-нэповский*, *нэпачинный*, *нэпачинский*, *нэпачский*, *нэповинный*, *нэпорыловский*, *нэпишкинский*, *нэпистый*, *нэпистее*, *нэписты*, *нэпиться*, *снэпить*, *онэпить*, *перенэпиться*, *перенэпивший*, *недонэпивший*, *занэпившийся*, *поднэпившийся*) — окказионализмы каламбурного характера с конкретным стилистическим заданием, связанным с критикой всего отрицательного, что было в жизни страны в годы нэпа.

Хорошо известно, что слово *нэп* появилось в 1921 году. Это — сокращение словосочетания «новая экономическая политика». Из словарей, по нашим сведениям, впервые *нэп* и производные зафиксированы в «Словаре вошедших в обиход сокращенных названий» Н. Н. Серокузова (Владивосток, 1924) и в «Словаре советских терминов и наиболее употребительных иностранных слов»

под редакцией П. Х. Спасского (Нижний Новгород, 1924); см. также: В. З. Овсянников. Литературная речь. Толковый словарь современной общелитературной фразеологии (М., 1933).

Любопытно, что в дни, когда проходил X съезд РКП(б), решавший вопрос о новой экономической политике, мы находим это выражение у Д. Бедного в несокращенном виде:

Обнагледа парочка эта и наводит на большевиков ехидную критику?

Иль пророчит...

Новую экономическую политику?

Сообразительный буржуй. 1921

16 июня 1921 года в речи на III Всероссийском продовольственном совещании В. И. Ленин говорит: «Я бы хотел напомнить решение последней партийной конференции, работавшей специально по вопросу о новой экономической политике» (Полное собрание сочинений. Т. 43, стр. 353—354).

Вскоре после X съезда РКП(б) в одном из газетных фельетонов, описывавших махинации торгашей, появилась и аббревиатура *нэп* (Г. О. Винокур. Культура языка. М., 1925, стр. 128). Слово получает широкое распространение в центральной и периферийной печати. Его употребляет и В. И. Ленин, всегда осторожно относившийся к введению в русский литературный язык новых аббревиатур: «Экономически и политически *нэп* вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики» (т. 45, стр. 60—61); «Несколько подробнее о *нэпе*» (там же, стр. 60).

Через некоторое время *нэп* проникает и в художественную литературу. Например, у В. Маяковского: «Спросили раз меня: „Вы любите ли *нэп*?“...» (заголовок. «Известия», 1922, № 58); или: «НЭП — этакая шустрая каналья» (Д. Бедный. Молочные. 1922).

Сначала буквенная аббревиатура *нэп* характеризуется неустойчивостью грамматического рода: *нэп* (мужской род), *нэпа* (женский), *нэпо* (средний). (См. «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., 1968). По мнению И. П. Мучника, «почти одновременно с *нэп* стал употребляться и другой вариант — *нэпо*» (там же). Ю. Тынянов утверждает, что «вначале было слово *нэпо*, обозначавшее «новая экономическая политика», затем слово изменилось в *нэп*, т. е. приобрело формальную принадлежность (м. род)» («Леф», 1924, № 1). Ср.: «Хрюкающий *нэп*» (Д. Бедный, 1923); или: «...У нас здесь, на Олимпе, полная НЭП» (журнал «Новый Бич». Харьков — Москва — Петроград, 1922, № 1); «Что принесла *Нэп* литературе?.. Формально *Нэп* раскрепостила литературный труд...» («Литературные записки». М., 1922, № 2). Ср.: «...Мы... вступили в эпоху новой экономической политики (НЭПО)» («Правда», 1922, № 9); «Гримасы НЭПО» (заголовок. «Известия», 1922, № 19).

Очень скоро аббревиатура *нэп* обрела все грамматические «права гражданства» и начала склоняться как обычное существитель-

ное. При этом, естественно, отразились и колебания родовой принадлежности: «Мародёры НЭПа» (заголовок. «Известия», 1922, № 184); «НЭПу — уложение о наказаниях» («Известия», 1922, № 84); «И вот о чем мы все писали: О жиреющем Нэпе...» («Крокодил», 1923, № 48). Или: «Такая уйма нянь вокруг Нэпы руки греет» (Нэпа. — «Крокодил», 1922, № 1); «По Охотному ходил без призора „Крокодил“ и с враждой свирепою обжирался нэпою» («Крокодил», 1922, № 5).

Если выражение *новая экономическая политика* всегда употреблялось с положительной окраской, то аббревиатура *нэп* едва ли не с первых дней существования семантически и экспрессивно как бы раздвоилась. Это связано с тем, что *нэп* как аббревиатурный знак, выйдя за рамки специального употребления, претерпел семантические изменения в результате метафоризации. С одной стороны, *нэп* уже в 1922—1923 годах активно используется как сокращение выражения — «новая экономическая политика», с другой — *нэп* связывали с понятием частного капитала, возрождением капиталистических элементов, торгашей и т. п. Вероятно, форма женского рода *нэпа* тоже способствовала тому, чтобы оттенить отрицательную окраску этого слова. Например: «Ведь коль нэпа, значит нэпа, значит, неча и роптать» («Крокодил, 1922, № 1); «Посрамленная нэпа» (заголовок. Журнал «Тачка прокатывает всех». М., 1922, № 9).

Этой же цели служили и русские словообразовательные средства с яркой экспрессией. Ср. окказиональные существительные *нэпка* («Крокодил», 1923, № 46), *перенэп* («Правда», 1924, № 36), *нэпмач* (журнал «Красный Перец». М., 1923, № 13; «Тачка...». 1922, № 10, 18).

От *нэп* были образованы существительные *нэпман* в значении «частный предприниматель, торговец, спекулянт первого периода нэпа» (17-томный Словарь) и его женское соответствие *нэпманша*. «Нэпман ведет тыловую осаду» (Д. Бедный. Копают глубже. 1922); «С нэпманом держи ухо остро» (заголовок. «Рабочая газета». М., 1922, № 131); или: «Вот проклятая нэпманша: второй январь за нос водит» (журнал «Красный ворон». Пг., 1922, № 4); «...В заметке „НЭПМАНША в роли машинистки“ автор рабочий говорил, что Панина есть дочь нэпмана» (журнал «Прогресс». Коломна, 1923, № 2).

Несомненно, что *нэпман* — словообразовательный экспромт фельетонного происхождения, но точно указать пути его возникновения пока трудно, хотя уже существуют разные версии. А. Бэклунд (A. Boeklund. Die Unverbierenden Verkürzungen der heutiger russischen Sprache. Uppsala, 1940, стр. 105) предполагает, что «суффикс» слова *нэпман* происходит, вероятно, от насмешливого названия немецких торговцев, с одной стороны, и от еврейских фамилий на — *ман* — с другой. Здесь же он указывает, что по-немецки *перреп* значит «обманывать», отсюда *нэпман* — «обманщик». Появление А. Бэклунда не кажется нам убедительным и похоже на на-

родноэтимологическое осмысление. Происхождением этого слова, в частности его семантизацией, интересовался и В. И. Лепин. Он писал: «Слово *нэпман*, которое вы употребляете, ведет к некоторому недоразумению. Это слово образовано из сокращенного „нэп“, что означает „новая экономическая политика“, и прибавки „ман“, что означает „человек, или представитель этой новой экономической политики“. На газетном языке это слово возникло сначала, как шутливое обозначение мелкого торгаша или лица, пользующегося свободой торговли для всякого рода злоупотреблений» (т. 45, стр. 265). «„Нэпман“, если уже употреблять это выражение, гораздо более относящееся к шутливому газетному языку, чем к области серьезных терминов политической экономии...» (там же, стр. 266); или: «...Масса населения за „покупающими и продающими“ нэпманами не пойдет» (там же, стр. 268).

Не менее ярко и другое существительное, образованное от *нэп*. — *нэпач*, а также производные *нэпачонок* и его женские соотвествия — *нэпачка* и *нэпачиха*. Если существительное *нэпман* благодаря иностранному характеру своего суффикса *-ман* с самого возникновения получило книжный оттенок, то его синоним *нэпач* и производные стали принадлежностью разговорно-просторечного стиля, чему способствовали суффиксы *-ач*, *-иха*, *-ка*, *-онок*. Ср.: «Приветствовал нэпача нэпач...» (Д. Бедный. Кто кого. 1922); «Обуздайте нэпача-кровососа» («Крокодил», 1923, № 26); «...Разъевшиеся нэпачи... эксплуатируют прислугу...» («Рабочая газета», 1922, № 240);

По Петровке пачками
нэпачи с нэпачками
ходят, рожки набеля...

АСЕЕВ. Нэпачи

«А они не верили: Нэпач, нэпачиха и нэпачонок. Особенно последний» (журнал «Кок». Баку, 1923, № 2); «Погоди. Расшвыряем по панели Нэпачей. Нэпачих. Нэпачат» (журнал «Леф». М., 1923, № 2).

Признаком словообразовательной активности аббревиатуры *нэп* является и производство на его основе так называемых «говорящих» имен, которые характеризовали отрицательные явления того периода: «М-м НЭП» (надпись на рисунке. «Прожектор», 1923, № 2); «Преступление гражданки НЭП» (заголовок. «Крокодил», 1922, № 15); «Она стыдливо сказала: „Мой Нэпик!..“» (журнал «Метла». Саратов, 1923, № 5); «...К финотделу с деньгами Нэпушка спешит» (там же, № 1); «Вон Нэпкина прокатила „тройка“, так на пять отдыхать сел» (журнал «Красный ворон». Пг., 1922, № 3); «Случай с Нэповым» (заголовок. «Рабочая газета». М., 1922, № 196); «Эк, как загадили Храм Мельпомены Нэпишкины, Тэпишкины и прочая торгашеская нечисть!» (подпись под рисунком. «Метла», 1923, № 2); «Господин Нэпорылов, я очень рад. Позвольте представиться, ваш Бюрократ» («Крысодав», 1923, № 1).

Реже в кругу слов, связанных с лексемой *нэл*, возникали абстрактные существительные: *нэпачизм* (журнал «Товарищ». Пенза, 1923, № 3), *нэпманство* («Правда», 1925, № 296), *нэпачество* (Д. Бедный. Из Нижнего. 1922), *нэпоха* (журнал «Дрезина». М.—Пг., 1924, № 16), *нэпос* («Крокодил», 1922, № 12). Юмористическая реализация слов *нэпоха* и *нэпос* основана на сближении в звучании со словами *эпоха* и *эпос*.

Аббревиатура *нэл* могла становиться частью сложных слов: *нэпрасценка* (журнал «Мухомор». Пг., 1922, № 5), *нэпоман* («Товарищ», 1923, № 3), *нэпобарышни*, *нэпожеребчики* (журнал «Тиски». Киев, 1923, № 2), *нэпогод* («Красный ворон», 1922, № 4), *нэпо-дума* («Тачка...», 1922, № 22). Ср., наконец, «говорящее» имя — топоним у Д. Бедного *Нэпград* (заголовок. «Правда», 1922, № 187).

От слова *нэл* образованы также прилагательные: «Нэпманская» (заголовок. «Метла». 1923, № 1); «Мы думали..., что нэпманским делам все придают значение» («Тачка...», 1922, № 21);

Концессии и договоры были первыми ласточками,
Милыми ласточками Нэповской весны.

Д. БЕДНЫЙ. Из Нижнего. 1922

Данная форма прилагательного стилистически более нейтральна, чем другие прилагательные с основой *нэл*-. Вероятно, поэтому она и стала наиболее употребительной в официальных документах, в партийной печати: «...Из России нэповской будет Россия социалистическая» (В. И. Ленин. Т. 45, стр. 309). Ср. также окказионализмы: *нэпный* («Тачка...», 1922, № 7), *нэпский* («Крокодил», 1922, № 13; В. Маяковский. Мы. 1923), *нэпачский* («Крокодил», 1922, № 4), *нэпорыловский* («Крокодил», 1923, № 47), *нэпачинный* («Репейник», 1923, № 9), *нэпачинский* («Кок», 1923, № 2), *донэпический* («Крокодил», 1922, № 12), *нэпов* («Крокодил», 1922, № 6), *нэпистый*, *нэпистее* («Крокодил», 1922, № 6, 2), *нэпишкинский* (журнал «Наша колотушка». Коломна, 1923, № 1), а также контаминированное образование *нэповинный* у Д. Бедного («О делах наркомфинных, об агнцах нэповинных, о большевиках свирепых и случаях нелепых». 1922).

От аббревиатуры *нэл* был образован ряд глаголов: *нэпиться* (Д. Бедный, там же), *снэпить* («Крокодил», 1922, № 15), *перенэпить* («Правда», 1922, № 36 и журнал «Щетка». Рыбинск, 1922, № 2) и причастий: *перенэпившие*, *недонэпившие*, *заэпившиеся*, *поднэпившиеся* (журнал «Новый Бич». Харьков — Москва — Петроград, 1922, № 1).

Иногда встречаются наречия. Так, от *нэпманский* и *нэповский* были образованы наречия с *по*-: «...Кредит от народа мы получили благодаря нашей правильной политике, и это, если выразиться по-нэповски, — векселя» (В. И. Ленин. Т. 45, стр. 81).

Вполне возможно, что существовал и ряд других образований. Так, у В. Маяковского встречаем окказиональное существительное

нэпист (Бюрократнада, 1922). Ц. Селищев приводит глагол *онэпиться* («Язык революционной эпохи». М., 1928), Л. Черных — существительное *нэповец* («Этнографический бюллетень», 1923, № 3). С течением времени большинство слов этой группы вообще забылось. В современном русском литературном языке в качестве историзмов закрепились такие слова, как *нэпман*, *нэпманша*, *нэпмановский*, *нэпманский*, *по-нэпмански*, *по-нэповски*. Д. И. Алексеев считает, что и слово *нэп* стало историзмом после 1936 года (Словарь сокращений русского языка. М., 1963). Естественно, что эта хронология может рассматриваться только как приблизительная.

Нетрудно заметить, что в норме современного русского языка закрепились лишь те слова рассматриваемой группы, которые использовались для характеристики новой экономической политики и отрицательных явлений, неизбежно порожденных ею на некоторое время, пока не были уничтожены последние остатки эксплуататорских элементов в нашей стране.

Приведенный материал свидетельствует об активных словообразовательных процессах, которые имели место в русском языке (прежде всего в публицистике) первого послеоктябрьского десятилетия. И хотя большинство образований не выдержало испытания временем и исчезло из словарного фонда, они несомненно явились яркой страницей в развитии русского языка новейшего времени. Об этом красноречиво свидетельствует история аббревиатуры *нэп* и производных от нее слов.

Н. П. АГАФОНОВА,

преподаватель Самаркандского пединститута

Л. И. РОЙЗЕНЗОН,

доцент Самаркандского пединститута

Лебединая песня

В этом фразеологизме наряду с существительным *песня* употребляется и устарелый книжный вариант — *песнь*. Любопытно, что в книге Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» (М., 1966) соответствующая статья называется «Лебединая песня», а в примерах — из Гоголя и Достоевского — «Лебединая песнь». Аналогичное положение и во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова: заголовок статьи «Лебединая песня (песнь)», а из четырех иллюстраций три (из Гоголя, Достоевского, Щепкиной-Куперник) содержат *песнь* и лишь в четвертой (из «Записок писателя» Телешева) можно в равной степени предполагать и *песнь* и *песня* в форме родительного падежа — «своей любимой песни».

Очевидно, такое преобладание устарелого варианта *песнь* объ-